

Моя жизнь, 1986, Форев.

Мой Пушкин

Много лет прошло с того дня, когда Владимир Ростиславович Гардин, замечательный актер и режиссер, увидел гуляющего по Летнему саду мальчишку с нянькой и предложил обоим немедленно ехать с ним на киностудию. Конечно, нянька была ужасно перепугана требованием постороннего человека и наотрез отказалась, но все же дала домашний телефон, чтобы неизвестный смог поговорить с матерью. В тот же вечер Гардин позвонил и объяснил, что мальчик, то есть я, очень подходит для роли сына

Пушкина в его будущем фильме, и попросил привезти меня на следующий день. Мать работала и поручила заняться «артистом» своей знакомой, которая работала на кинофабрике.

Семья моя была артистической. Бабушка пела в знаменитом цыганском хоре, мать изредка подпевала бабушке, а отец рисовал. Полуцыганское происхождение, длинные курчавые волосы, очевидно, подходили к арабскому роду Пушкиных. Великолепный актер, а впоследствии режиссер и кинодраматург Евгений Червяков

признал во мне своего «сына», и как только начались съемки, «сын» всеми силами старался выйти из всяческого подчинения отцу и режиссеру. Шестилетний актер не понимал, чего от него хотят, не старался вжиться в образ и не был знаком с системой Станиславского. Он боялся огромных прожекторов, криков через рупор и не хотел ходить в узких лакированных туфлях, которые ему ужасно жали. Как только на него направляли прожектора и начинал трещать киноаппарат, будущий Джеки Куган терялся и пускался в рев. Начинались уговоры и подкупы. Даже упоминалась куча денег, которые я получу за послушание во время съемок, и мне можно будет купить все, что я захочу. В этот момент в моем уме возникла большая голубой ящик на колесах, стоящий у входа в Летний сад, и усатый человек, который вставлял в формочку круглую вафлю с именем мальчишки или девчонки, покупающих у него мороженое. Как я им завидовал, но это было не для меня.

— Идем, — говорила нянька, — мать не разрешает тебе есть мороженое, у тебя гланды. — Гланды! Как я их ненавидел, хотя и не знал, что это такое. И как мне было тяжело, когда нянька покупала мороженое с надписью «Нина» и, дав мне лизнуть только один раз, быстро съедала его на моих глазах. Когда я слышал о деньгах, которые мне дадут, я мечтал о мороженом, которое я обязательно куплю, сбежав от няньки. В мечтах я успокаивался, пример пудрил мне заплаканное лицо и съемки продолжались. А через несколько минут из рупора неслось: «Стоп! Ребенок жмурится и, кажется, собирается реветь...».

Но постепенно я привык к съемкам и все стало интересным. То мимо студии

прямо по коридору проезжали всадники, гремя саблями и шпорами, и я бежал их смотреть, то в соседнем павильоне прямо к полу прибавали деревья с яблоками и я старался их сорвать. Но работа есть работа и я, как положено по сценарию, держал из-под стола Пушкина за ногу, мешая ему сочинять стихи, и тот вместо того, чтобы отшлепать меня, сажал на спину и катал по кабинету. В этот момент нам обоим было ужасно весело. И еще много снималось разных сцен, в которых я уже не трепал нервы режиссеру и оператору. В последних кадрах фильма, когда умирающий Пушкин просит привести к нему детей и я, сидя сначала на руках Жуковского, а потом — на постели Пушкина, плачу уже по-настоящему, как подобает опытному актеру.

Съемки кончились. Мать получила мой гонорар и большой моток киноплёнки, на которой были запечатлены все сцены с моим участием. Она купила мне шикарный, по тому времени, матросский костюм, в котором нельзя было валяться по полу, а только ходить в гости. Была зима, и поэтому мороженое мне было обещано только летом.

Прошло немного времени, и меня снова пригласили на студию. Снимался фильм из морской жизни, который назывался «Рейс мистера Ллойда». В нем мне предстояло играть сына капитана корабля.

Я, как сейчас, помню фрагмент корабля, построенного в студии и палубу, на которой я сидел и что-то мастерил. Шла съемка. Не знаю, умышленно это было сделано или случайно, один из актеров стоящий на верхней палубе, уронил вниз горящую сигару. Она точно попала мне на голову и очень сильно меня обожгла. Я завопил. Влетела мать, ко-

торая была поблизости. Выдав соответствующий текст присутствующим, она схватила меня в охапку и увезла домой. Никакие извинения и просьбы вернуть меня на студию не имели успеха.

Так закончилась небольшая, но насыщенная многими событиями и впечатлениями моя артистическая деятельность.

Впервые фильм со своим участием я увидел в 1937 году. Это было столетие со дня гибели Пушкина. В этот год мне исполнилось 16 лет. И позже, когда появлялся на экране этот фильм, я шел его смотреть. Меня тянуло в зрительный зал взглянуть на мальчишку, совершенно не похожего на меня в сегодняшнем варианте. Вместе с тем, он вызывал массу воспоминаний детства и грусть. Сам фильм казался мне сентиментальным и многословным, несмотря на то, что был немой. Больше всего меня поражал Пушкин, созданный Червяковым. Для меня он стал образом выше тех, которые были нарисованы литераторами и художниками еще при жизни

поэта. Это был живой Пушкин — клубок страстей и человек, удивительный по переходу из одного настроения в другое. И даже блеск его глаз, вращающиеся зрачки — так характерные для героев немых фильмов, были пушкинскими — принадлежащие его характеру и его внутренним переживаниям. В нашем кино и театре было много Пушкиных, исполненных разными талантливыми актерами. Но я не видел ничего подобного.

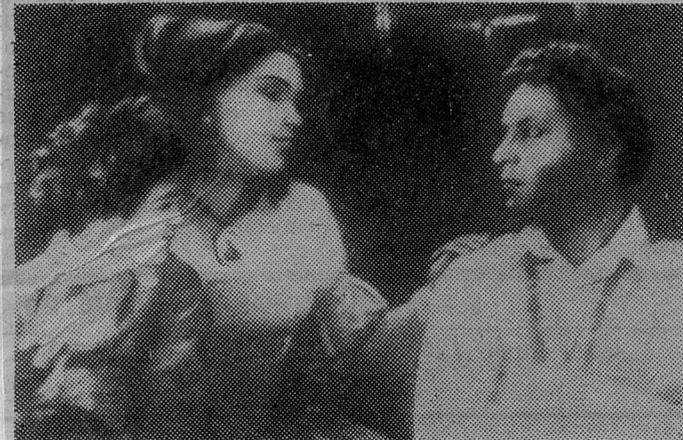
Евгений Вениаминович Червяков сыграл не в одном фильме и сделал бы еще много для нашего кино. Но война прервала его работу, и ему не суждено было встретиться с Днем Победы. Он погиб в тылу врага — бесстрашным воином, помогая нашим войскам оборонять, перейти в наступление и прорвать блокаду Ленинграда.

К Червякову-Пушкину прибавился Червяков-воин, который не смог смириться с пришельцами-фашистами, как не смог смириться Пушкин с пришельцем Дантесом.

К. ИВАНОВ.

Кадры из фильма «Поэт и царь».

А. Казачок. Пушкин (с Выставки произведений московских художников 1985 г.).